

Храм Михаила Архангела – живой памятник народного сопротивления

Михайло-Архангельская церковь на Транспортной улице – настоящий памятник стойкости верующего народа в его борьбе с самой народной властью. Окружённая сплошной кирпичной стеной и множеством подсобных служб, компактная снаружи и просторная внутри, она являет собой яркий пример церковного зодчества эпохи выживания церкви в атеистическом государстве. И совсем не случайно Архангел Михаил – покровитель небесного воинства – стал и покровителем новокузнецкой церкви, выдержавшей многолетнее противостояние с советской властью и всесоюзным партийным деятелем Николаем Ермаковым.

В социалистическом Сталинске до войны храма не могло быть, что называется, по определению. Церкви сёл Бессонова и Горбунова были, разумеется, снесены в 30-е годы. В ходе войны отношение партии большевиков к религии коренным образом изменилось, и церкви разрешили возобновить свою деятельность (под неусыпным партийным приглядом, конечно) – если в 1939 году в СССР осталось лишь полторы сотни храмов из 70 тысяч до революционных, то с 1943 года до начала 1950-х их открылось 22 тысячи.

И в 1947 году верующие жители Сталинска решили обустроить храм, который находился бы рядом с вокзалом и в то же время на отшибе (открыть его в другом месте не позволили бы). К тому же один из прихожан увидел сон, что именно на этом месте должен быть храм Михаила Архангела. И тогда на средства старца Адриана и Фёдора Летуева была куплена большая деревянная изба у железной дороги, которую и переоборудовали под молитвенный дом Михаила Архангела.

Первым настоятелем стал Николай Шетнёв, старостой – Сергей Морозов. Затем некоторое время настоятелем служил Николай Сысов, переведённый впоследствии в Никольский храм в Старокузнецк, а Николай Шетнёв вернулся на прежнее место.

Меж тем и без того короткий период лояльности Советского государства к церкви катился к закату – уже в начале 50-х власти всё неохотнее позволяли обустроить храмы, а с началом хрущёвской борьбы с культом личности Сталина началась и борьба с культами вообще.

Как вспоминал В.И. Дёмин, именно в те годы председатель горисполкома Александр Фёдорович Габриель решил одним махом покончить с религией в городе – закрыть Михайло-Архангельскую церковь. Повод был найден – трассирование обводного канала речки Горбунихи. Канал запроектировали вдоль насыпи железной дороги, и он «спотыкался» о храм. Габриель, недолго думая, заявил, что церковь подлежит сносу и велел проектировать канал прямо через неё. Назавтра он вызвал к себе в горисполком настоятеля и предложил ему подобру-поздорову убрать с трассы своё здание. Батюшка внимательно выслушал чиновника и, несколько не испугавшись

такого требования, ни в какие споры вступать не стал, а только заявил, что об этом доложит в Новосибирскую епархию, на чём и откланялся.

И настоятель сработал как заправский дипломат. Он немедленно сообщил об угрозе новосибирскому епископу, а тот, в свою очередь, в Патриархию. Не прошло и суток, как о недобром деле знал председатель Совета по делам Русской православной церкви при Правительстве СССР Г. Карпов. При всей враждебности советской власти к православному народу, закрывать едва ли не единственный храм в полумиллионном городе – это было уже слишком.

Вскоре в кабинете Габриеля раздался телефонный звонок из Москвы, от Г. Карпова:

– Вот тут священнослужители из Патриархии обратились в Правительство СССР с жалобой, что вы в Новокузнецке притесняете верующих, намерены Михайло-Архангельскую церковь снести. Не советуем вам этого делать, чтобы не вызывать недовольство у верующих людей.

Габриель начал было объяснять, что церковь попала на трассу обводного канала и что рядом полотно железной дороги, так что канал может пройти только через здание церкви.

Карпов на это сказал:
– Отнесите свой канал на полтора – два метра куда-нибудь в сторону, а церковь не трогайте. Незачем из-за этой мелочи поднимать такой шум, тем более среди верующих.

– Хорошо, считайте, что инцидент исчерпан, трассу канала отнесём в сторону, – ответил Габриель.

– Вот и хорошо. Знал, что с вами договорюсь. Будете в Москве – заезжайте. До свидания!

Так отвели угрозу.

20 февраля 1964 года указом архиепископа Новосибирского и Барнаульского Кассиана в Михайло-Архангельский дом молитвы в качестве второго священника из Никольского собора Казани был направлен Василий Буглаков, ставший затем почти на полвека настоятелем храма, ныне почётным.

По словам отца Василия, прибыв сюда из кафедрального собора Казани, он был удручён убожеством Михайло-Архангельской церкви. Храм не вмещал всех верующих, люди падали в обморок от недостатка кислорода. Кроме того, за неполные 20 лет эксплуатации приспособленный дом пришёл в крайнюю ветхость и крыша держалась не столько на стенах, сколько на трубах четырёх обычных дровяных печей (без них зимой храм промерзал).

В феврале 1972 года отец Василий получил указание архиепископа Гедеона на строительство нового каменного храма взамен обветшавшего дома молитвы. Справедливости ради надо сказать, что 70-е годы стали для церкви эпохой стабилизации – после второй советской антирелигиозной войны, в ходе которой Хрущёв позакрывал больше половины храмов, Брежнев позволил оставшимся восьми тысячам приходов жить и, что немаловажно, перестраивать приспособленные дома молитвы в нор-

мальные храмы. И так было сделано повсеместно в Кузбассе: в Кемерове, Прокопьевске, Белове. Но именно в Новокузнецке верующие столкнулись с максимально возможными трудностями. Виной тому стал не кто иной, как всем известный Николай Спиридонович Ермаков. Секретарь Новокузнецкого горкома КПСС люто ненавидел церковников и говорил, что в его городе церкви вовсе быть не должно, осуждая своих коллег в других городах, которые недостаточно активно боролись с религиозным мракобесием.

В 1973 году церковный совет обратился в Центральный райисполком с первым заявлением о перестройке молитвенного дома. Техническая комиссия бегло осмотрела здание и составила акт, предписывающий провести ремонтные работы, не трогая крыши и стен. Но верующие мечтали совсем о другом – о настоящем храме. Весной 1973 года после неоднократных обращений приходского совета власти разрешили-таки строить новое здание, но в другом месте – на Соколиной горе или у кладбища в Редакове – местах крайне неудобных. Староста церкви Михаил Александрович Елохин поехал в Москву, в Комитет по делам религий при Совете министров СССР. Там его просьбу удовлетворили. Но даже это не сподвигло городскую власть уважать верующих – разрешения от горисполкома по-прежнему не было. В ход шли любые доводы. Одним из них стало якобы небольшое число верующих. Опровергать его пришлось своего рода «следственным экспериментом» – фотографировать толпы прихожан, возвращающихся с праздничных служб по тропинке вдоль канала. Но власть была непробиваемой.

А потому прихожане начали подготовку к строительству втихушку. «Партизанским» методом был запасён кирпич, цемент, вырыт котлован для фундамента, проложена вдоль водоотводного канала дорога к храму. И, что немаловажно, вместо ограды из штакетника возвели массивную и непроницаемую – почти крепостную – кирпичную стену. За ней можно было защититься от «родной» советской власти, а заодно скрыть приготовления. Но приступить к самому главному – возведению стен долго не

решились – дожидались подходящего момента. И наконец он настал.

Из-за выборов в горсовет накануне Первой мая 1975 года, праздничной демонстрации и всенародной гулянки советское и партийное руководство города ослабило бдительность. А православному народу только того и надо было. О том, что прихожане церкви на Транспортной ведут строительные работы, председателю горисполкома Николаю Спиридоновичу Ермакову донесли слишком поздно. Уже успели залить фундамент и воздвигнуть вокруг старого деревянного здания три стены будущего храма. Люди работали трое суток подряд – и днём и ночью – более ста человек одновременно, включая стареньких бабушек.

Самовольное строительство стало для Ермакова настоящим ударом. Настоятелем храма в то время был отец Александр Пивоваров. Ему и церковному старосте пришлось отвечать перед комиссией, которая тут же приехала на место. Позже из Москвы прибыл представитель Комитета по делам религий, что и решило вопрос в пользу верующих. Но война только началась. На одной стороне были всевластное партийное начальство с милицией, на другой – бесправные верующие, в основном пожилые женщины.

Храм строили без профессиональных чертежей, почти на глаз. Никакого технического надзора не велось, а главный архитектор города Александр Иванович Выпов если и посещал стройку, то только для того, чтобы проконтролировать, не слишком ли высоко задирают багюшки крест. На этом «помощь» города и закончилась. Храм построен только благодаря мужеству, вере и храброму отношению к Божьей воле.

Староста прихода Михаил Александрович Елохин, серьёзно рискуя, доставал все необходимое для стройки. К осени были завершены перекрытие и крыша храма, обустроен просторный подвал.

В ноябре 1975 года настоятелем в приход вернулся Василий Буглаков, служивший почти год настоятелем Петропавловского собора Томска и благочинным Томской области. В августе 1976 года были возобновлены работы в алтаре, притворе, риз-

нице и пономарке. Под видом водонапорной башни в рекордно короткий срок сооружена колокольня (по легенде, «за ночь», но это, конечно, преувеличение).

21 ноября 1976 года, в день престольного праздника, храм был освящён архиепископом Гедеоном.

В течение последующих десяти лет продолжались всевозможные работы: взамен почти плоского перекрытия с маленькой главкой появилось новое с большим барабаном и куполом, а также меньшие купола, которые были увенчаны ажурными крестами по эскизам протоиерея Василия Буглакова. Был украшен резьбой и позолотой иконостас, перестроена галерея для хора. Кроме того, в храмовый комплекс вошли крестильный храм, построенный в 1978 году, и двухэтажный корпус 1984 года.

Поэтому совсем не случайно за долгую службу протоиерей Василий Буглаков награжден в 1988 году орденом Сергия Радонежского III степени и в 1993 году правом ношения митры.

Первоначально храм задумывался как однопрестольный, но после его возведения приходом решено было сделать в подвале ещё один престол во имя Трёх Святителей, который получился довольно низким.

План всего храма решён экономично. При средних размерах он весьма вместителен. Храмовая часть объединена с трапезной в один объём, освещённый двумя рядами окон по северному и южному фасадам. Апсида-алтарь имеет два отдельных входа. Потолок со световым барабаном слегка изогнут и напоминает пологий изогнутый парусный свод. Интерьер в художественном отношении выглядит завершенным в комплексе с резным иконостасом вишнево-золотистой окраски и киотами. Его объёмно-пластическое решение выразительно и производит впечатление. Иконы изначально были писаны масляными красками на холсте, но постепенно заменялись на более подходящие храму.

Вячеслав Паничкин.
Фото автора и из архива автора.